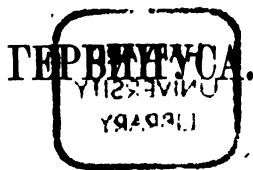

ШЕКСПИРЪ.

ГЕРВИНУСА.

ШЕКСПИРЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Константинъ Тимофеевъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

3078

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. О. ФЕДОРОВА.

1877.

KE 20963

ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ БАЛАШОВУ

ПОСВЯЩАЕТЪ ЭТОТЪ ТРУДЪ

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

——предметы, о которых я нахожу труднымъ не сказать слишкомъ много, хоть я и вполне убѣжденъ, что все лучшее останется невысказаннымъ, и собиратели оброненныхъ мною колосъевъ обогатятся болѣе, нежели я отъ своей жатвы.

Кельриджъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изображеніе великаго британскаго поэта, представляемое мною читателямъ, возникло изъ цѣлаго ряда счастливыхъ часовъ, въ которые я, въ теченіи многихъ лѣтъ, внимательно изучалъ произведенія Шекспира, и, изъясняя ихъ, извлекалъ для себя благороднѣйшія наслажденія.

Когда я окончилъ мою исторію германской поэзіи, я почувствовалъ желаніе возвратиться къ первоначальному моему направленію, къ давно оставленной мною области политической исторіи. Тогда, какъ и теперь, мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы примкнуть къ заключительному слову того историческаго изображенія нашей литературы и попытаться написать исторію нашего времени, показать въ ней германскому народу, какъ въ зеркалѣ, картину его настоящаго; указать ему его позоръ, его призваніе, его надежды; изъяснить ему черты и характеръ всего организма и духа нашего времени, черты, которыя въ ту минуту становились все крупнѣе и выразительнѣе, обѣщая вознаградить трудъ историка-наблюдателя. Съ той поры событія стали быстро удовлетворять такимъ ожиданіямъ; они постоянно представляютъ историку все болѣе и болѣе заманчивую задачу и становятся для него все болѣе поучительною школою. Они и меня

увлекли было на время, изъ наблюдательнаго моего положенія, въ потокъ возникающихъ отношеній, въ этотъ лабиринтъ, въ которомъ для насъ, что бы ни говорила противъ этого обманчивая внѣшность, нѣтъ, на первый случай, никакого выхода къ удовлетворительной и опредѣленной цѣли.

Среди такихъ волненій внѣшней жизни, для меня было неотразимою потребностью имѣть нравственное убѣжище, гдѣ бы душа могла успокоиться и собраться съ силами среди поисковъ за пошлыми рычагами, приводящими въ движеніе историческій міръ, гдѣ бы она могла возвышаться надъ низменнымъ уровнемъ дѣйствительности.

Ближайшее прошедшее нашей образованности и исторіи достаточно объясняетъ намъ, какія причины приучили всѣхъ насъ, германцевъ, не совсѣмъ легко отказывать себѣ въ наслажденіи изящными искусствами и ихъ дарами. Между тѣмъ настоящее какъ будто отрываетъ насъ отъ этихъ дорогихъ, милыхъ намъ привычекъ, стремится насъ въ область дѣятельной жизни, которая не довольствуется половиннымъ напряженіемъ духовныхъ силъ, а требуетъ ихъ всецѣло въ свое распоряженіе. Какъ же раздвоиться между этими, враждебными другъ другу, потребностями и побужденіями, какъ удовлетворить обоимъ, не нанося обоимъ вреда?

Требованіямъ отечества, обязанностямъ дня, дѣятельному призванію жизни—надлежитъ удовлетворять безотлагательно; наслажденіе, духовная приправа, второстепенный предметъ нашей заботы. Но и духовныя наслажденія сами по себѣ могутъ быть такого рода, что они въ состояніи сдѣлаться двигателями нашей практической дѣятельности, если изъ нихъ выбрать такія, которыя бы постоянно держали наши ощущенія въ состояніи безыскусственности, а представляющую способность въ здоровомъ состояніи, занимали бы не только чувство и воображеніе, но и практическій умъ, устремляя

волю къ рѣшимости. Произведеній искусствъ, которыя обла-
даютъ этими качествами, вообще немного; но за то эти
немногія принадлежать къ первому, высшему разряду.

Въ исторіи цивилизаціи Англіи и Германіи есть два чело-
вѣка, изъ коихъ одинъ, родившись въ той, а другой въ этой
странѣ, поддерживаютъ оба древнее германское сродство и
единство обѣихъ націй до нынѣшнихъ, позднѣйшихъ сто-
лѣтій. Обѣ націи подѣлились обладаніемъ этихъ людей, и
спорятъ о томъ, которой изъ нихъ удалось лучше оцѣнить
ихъ. Одинаковая часть, которую они имѣютъ въ преимуще-
ственно-практическомъ и преимущественно-духовномъ народѣ,
выдвигаетъ этихъ «единителей двухъ націй» въ то средин-
ное положеніе, гдѣ они примиряютъ противоположныя каче-
ства, обладая ими совокупно, въ чемъ и заключается вѣрное
ручательство за человѣческое величіе. И можетъ быть ни-
когда исторія человѣческаго духа не представитъ болѣе
столь занимательной картины! Вотъ почему эти люди и ихъ
отношенія къ обоимъ народамъ всегда составляли для меня
предметъ удивленія и размышленія; они стали мнѣ еще ближе
и яснѣе въ наши времена, когда ихъ произведенія, въ на-
шемъ исключительномъ положеніи, представляютъ для насъ
наиболѣе подходящую умственную пищу.

Нашему Генделю англичане дали у себя право граждан-
ства, причислили его къ своимъ. Среди всяческихъ иска-
женій вкуса, они, сквозь длинный рядъ преданій, сохранили
любовь къ его чистому тоническому искусству; они благо-
дарно сохранили память о немъ, собрали матеріалы для его
біографіи, и въ настоящее время приготовили его творенія
къ достойному ихъ изданію. Къ нему, этому Лютеру музыки
по избытку силы, по вѣрности и стремительности духа, по
протестантски-религіозной глубинѣ, по широтѣ обладанія вну-
треннимъ міромъ чувствованій и по изумительно-творческой

силѣ выраженія, къ нему должны мы прибѣгать, ища спасенія отъ хаоса и искаженій музыкальной рѣтины, господствующей въ наше, бѣдное чувствованіями, надорванное время. Только онъ одинъ, изъ всѣхъ новѣйшихъ композиторовъ, даетъ намъ понять, что разумѣли древніе подъ именемъ мужественнаго дорическаго лада, какъ нравственно образующаго средства, облагораживающаго и укрѣпляющаго характеръ и волю человѣка. Англичане всего вѣрнѣе его оцѣнили; у нихъ онъ остался національнымъ любимцемъ между всѣми композиторами, хотя и нѣтъ человѣка, которой бы, по личному и музыкальному своему характеру, былъ болѣе Генделя—германецъ. По моему мнѣнію, его музыка совершенно органически связана съ исторіею германской поэзіи и ея высшими качествами. Подробнѣе объ этомъ я поговорю, можетъ быть, въ другое время.

Съ своей стороны, мы имѣемъ полное право гордиться тѣмъ, что мы оказали наибольшую справедливость въ отношеніи Шекспира; несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что мы любовью и прилежнымъ изученіемъ усвоили его себѣ такъ же, какъ Англія присвоила себѣ нашего Генделя. Когда дѣло идетъ о духовныхъ наслажденіяхъ, которыя были бы въ состояніи, на рубежѣ дѣятельной и созерцательной жизни, доставлять намъ высшее удовлетвореніе, не ослабляя силъ, необходимыхъ намъ для внѣшней дѣятельности, то мы не найдемъ источника болѣе обильнаго, нежели этотъ поэтъ, который, съ одной стороны, волшебствомъ своего воображенія умѣетъ воплощать идеалы юности и тѣмъ приковывать къ себѣ ея вниманіе; съ другой — здравомысліемъ и зрѣлостью своихъ сужденій даетъ и возмужалому духу неистощимую пищу; который закаляетъ и изощряетъ въ насъ вкусъ къ дѣйствительной и дѣятельной жизни въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, но въ то же время возноситъ насъ надъ тѣсными ея

предѣлами для созерцанія благъ вѣчныхъ; который равно учитъ насъ и любить міръ, и считать его за ничто, и обладать имъ, и обходиться безъ него. Такими качествами Шекспиръ заставляеть насъ равнодушно отказываться отъ удовольствія, доставляемаго другими произведеніями поэзіи, потому что онъ сторицею вознаграждаетъ насъ за все, чего мы лишаемся. Онъ даже привелъ насъ въ сомнѣніе о достоинствахъ нашихъ собственныхъ великихъ поэтовъ, Гёте и Шиллера: всѣмъ извѣстно, что въ юной германской школѣ господствуетъ мессіанское вѣрованіе въ пришествіе втораго, германскаго Шекспира, который создастъ еще болѣе великое драматическое искусство, нежели тѣ оба. Прежде чѣмъ осуществится это вѣрованіе, прежде чѣмъ явится новый Шекспиръ замѣнить стараго, намъ, нуждающимся въ практической школѣ духа, на порогъ новой политической жизни, намъ нисколько не повредитъ, а, напротивъ, можетъ быть весьма полезно, если такой поворотъ вкуса утвердится и распространится, и мы примемся снова содѣйствовать усвоенію между нами стараго Шекспира, даже если бъ пришлось черезъ то все болѣе и болѣе оставлять въ тѣни нашихъ собственныхъ поэтовъ. Точно также полезно было бы для нашей духовной жизни, если бы его знаменитый современникъ Бэконъ былъ воскрешенъ во-время, дабы удержать въ равновѣсіи нашу идеалистическую философію. Потому что оба, и поэтъ и философъ, бросившіе такой глубокой взглядъ на исторію и политику своего народа, стоятъ, при всей высотѣ, какой достигли ихъ искусство и умозрѣніе, на одинаково твердой почвѣ дѣйствительнаго міра. Здравый духъ ихъ прямо дѣйствуетъ на здравіе умовъ, потому что они, самыми идеальными и отвлеченными своими образами, стремятся къ тому, чтобы приготовить людей для жизни, *какъ она есть*, для жизни, которая составляетъ исключительную

цѣль всѣхъ дѣлъ политики. Наша ручная, то романтически и фантастически увлекающаяся, то по-домашнему, по-мѣщански ѣле-плетущаяся поэзія, и наша спиритуалистическая философія не дѣлають этого, и намъ слѣдовало бы серьезно подумать, годится-ли такая школа для насъ, желающихъ приготовить себя въ тому призванію, къ которому мы такъ ревностно стремимся. Въ Англіи, странѣ политическаго совершенства, не признали бы такую школу годною. Да не подумаетъ кто-нибудь въ своемъ ослѣпленіи или тупоуміи, что простой случай забросилъ *такого* поэта и *такого* философа въ среду *такого* народа! Одинъ и тотъ же народный духъ, одинъ и тотъ же практическій, дѣловой житейскій смыслъ, который создалъ и это государство, и эту народную свободу, породилъ и эту житейски-мудрую поэзію и эту, исполненную опыта, философію. И чѣмъ болѣе, чѣмъ рѣшительнѣе будемъ мы усвоивать себѣ вкусъ къ такимъ созданіямъ духа, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ зрѣть въ насъ способность устроить свою практическую жизнь съ тѣмъ искусствомъ, какое выказали, на подражаніе всему міру, тѣ выселившіеся наши предки.

Эта книга имѣетъ задачею руководить читателя при чтеніи поэта, о которомъ идетъ рѣчь. Вотъ почему я совѣтую читать ее не по выбору или въ разбивку, но въ связи и всю, имѣя постоянно передъ собою раскрытаго Шекспира. Иначе многое въ ней могло бы остаться непонятымъ, многое показалось бы причудливымъ, произвольно-вложеннымъ въ творенія поэта, между тѣмъ какъ я, безъ всякихъ претензій, стремился только къ тому, чтобы заставить поэта какъ можно болѣе говорить самаго за себя въ объясненіе своихъ созданій. Выводы моихъ критическихъ соображеній, при всей ихъ неизысканности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не дадутъ читателю ничего новаго, въ другихъ—изумять многихъ. Такъ,

напримѣръ, большинству читателей нѣтъ необходимости указывать на поэтическія красоты, на умственное превосходство въ сочиненіяхъ Шекспира, но за то величая нравственная высота этого поэта изумить многихъ, потому что она была заслонена отъ насъ множествомъ внѣшнихъ подробностей. Если проникнуть взоромъ сквозь эту внѣшнюю оболочку, то и въ этомъ отношеніи обнаружится въ Шекспирѣ такое колоссальное величіе, которое поспорить съ другими его сторонами, но которое покажется поразительно-страннымъ для многихъ людей нашего времени, привывшихъ думать, что высота духовная неразлучна съ вольнодумствомъ и свободными нравами.

Меня часто упрекали за оуждающую строгость моихъ литературныхъ сужденій и тотъ духъ отрицанья, который я проявляю въ отношеніи къ поэтическимъ попыткамъ нашего времени. Я очень радъ, что мнѣ представляется случай показать, что и я тоже умѣю хвалить и любить. И если похвала и любовь болѣе, нежели порицаніе, способны порождать положительную дѣятельность, укрѣплять и воодушевлять нашу борющуюся литературу, то нѣтъ сомнѣнія, что личность, очертываемая мною въ этой книгѣ, способна возжечь соревнованіе въ каждой даровитой натурѣ. При томъ я выполнялъ мой трудъ съ любовью, преодолевавшею все, съ тою же исключительною любовью, съ какою я выбралъ и самый предметъ; я съ намѣреніемъ отстранилъ отъ своего испытующаго взгляда всякій посторонній, подготовляющій или вовсе чуждый предметъ, чтобы приковать свой взоръ единственно къ предмету моего удивленія.

Польза, которую я извлекъ изъ этого изученія, для себя лично, мнѣ кажется рѣшительно неизмѣримою. Казалось бы, что тутъ очень мало самостоятельнаго, когда писатель противупоставляетъ себя другому, изучая и изъясняя его про-